

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как духи с горы Шэпаньшань тайно помогали паломникам и как был усмирен взбунтовавшийся дракон реки Инчоуцзян

Так, Сунь У-кун вместе с Танским монахом отправился на Запад и в пути прислуживал ему. Прошло несколько дней. Стоял двенадцатый лунный месяц. Погода была холодная. Дул резкий северный ветер. Все вокруг покрылось изморозью.

Путникам приходилось взбираться по отвесным скалам, по извилистым, крутым тропинкам. Перед ними вздымались мощные утесы, громоздились горные цепи. И вот однажды Сюань-цзан услышал шум бурлящей воды. Обернувшись к Сунь У-куну, он спросил:

— Скажи, пожалуйста, что это за шум?

— Если память не изменяет мне,— отвечал Сунь У-кун,— это место называется Шэпань-шань — гора Извивающейся змеи, а река, которая здесь протекает, носит название Инчоуцзян, что значит — река Орлиной печали. Я думаю, что здесь слышно, как она шумит.

И не успел он договорить, как они очутились у реки. Сюань-цзан остановил коня, и глазам его представилась великолепная картина:

Волны устремились в облака,

Бешеное море бушевало,

Яркие, багровые лучи

На потоки вод заря бросала.

Было шумно — словно сильный дождь

Ночью разбудил немые горы.

Выли ветры — стали тесны им

Моря необъятные просторы...

Цапля чайку

В небе не найдет,

Над землей ползет

Густой туман,

И рыбачью лодку

Поглотил

Неспокойный,
Грозный океан!

Вдруг на середину потока со страшным шумом выскочил дракон. Рассекая воду и вздымая волны, он ринулся прямо к берегу. Сунь У-кун поспешно положил свою ношу и, стащив Сюань-цзана с коня, отбежал с ним назад. Дракон, видя, что ему не догнать их, проглотил коня вместе с седлом и сбруей и тотчас же исчез в волнах.

Между тем Сунь У-кун привел Сюань-цзана на высокий холм, усадил его там, а сам отправился за конем и вещами.

Однако на берегу он нашел только вещи, коня нигде не было. Вернувшись с вещами к Сюань-цзану, Сунь У-кун сказал:

— Учитель! Этот проклятый дракон скрылся, но он очевидно напугал вашего коня и тот ускакал куда-то.

— Ученик мой! — воскликнул Сюань-цзан. — Как же мы найдем его?

— Успокойтесь, учитель, — отвечал Сунь У-кун. — Я тотчас же отправлюсь на поиски. — С этими словами Сунь У-кун свистнул и взвился ввысь. Прикрыв рукой свои огненные глаза, он осмотрел все вокруг, но никаких следов коня не обнаружил.

Тогда он на облаке спустился вниз и, подойдя к Сюань-цзану, сказал:

— Учитель! Нет никаких сомнений в том, что нашего коня сожрал дракон. Я очень внимательно осмотрел все вокруг, но коня не обнаружил.

— Ученик мой! — отвечал на это Сюань-цзан. — Неужели у этого дракона такая огромная пасть, что он смог проглотить моего коня вместе с седлом и сбруей? Нет, я думаю, что конь испугался и спрятался где-нибудь в ущелье. Поищи получше.

— Вы, видно, не знаете моих способностей, — отвечал Сунь У-кун. — Днем мои глаза могут разглядеть счастье и несчастье на тысячу ли. И если на таком расстоянии стрекоза взмахнет крыльями, я непременно замечу. Как же мог я не увидеть такого огромного коня?

— Но если дракон действительно проглотил коня, как мы пойдем дальше? — спросил Сюань-цзан. — Вот беда! Ведь теперь нам не пройти ни через горы, ни через реки. — Говоря это, Сюань-цзан горько заплакал.

Отчаяние и слезы возмутили Сунь У-куна, и он крикнул:

— Учитель! Не унижайте себя так! Сейчас я разыщу этого мерзавца дракона, заставлю его вернуть нам коня, и дело с концом! — Дорогой ученик! — стал удерживать его Сюань-цзан, — Где же ты будешь искать его? А вдруг он притаился тут поблизости и, когда ты уйдешь — выскочит? Тогда я погиб.

Эти слова окончательно вывели Сунь У-куна из терпения, и он громовым голосом закричал:

— Вы совершенно невозможный человек! Так дело не пойдет. Вы хотите ехать на коне, и в то же время не даете мне возможности отыскать его. Так мы можем просидеть на ваших вещах до самой старости и ничего не сделаем! — бушевал Сунь У-кун, не в силах подавить своего гнева.

Вдруг откуда-то сверху раздался голос:

— Великий Мудрец Сунь У-кун, усмири свой гнев! А вы, побратим императора Танов, не отчаивайтесь. Мы — духи, посланные сюда бодисатвой Гуаньинь для того, чтобы сопутствовать вам и тайно охранять паломника за священными книгами.

Сюань-цзан поспешил приветствовать их поклонами, а Сунь У-кун спросил:

— Сколько вас и как зовут? Я должен знать это.

— Мы духи тьмы и света — Лю-дин и Лю-цзя, хранители пяти частей света, четыре стража и восемнадцать хранителей монастырей. Охрану будем нести по очереди.

— Кто начнет? — спросил Сунь У-кун.

— Сегодня будут нести охрану Лю-дин, Лю-цзя, четыре стража и стражи монастырей. Один только Златоглавый страж будет неотлучно находиться здесь и днем и ночью.

— Кто не занят на дежурстве — может удалиться, — распорядился Сунь У-кун. — Лю-дин, постоянный дух времени и духи-хранители останутся здесь и будут охранять нашего учителя, пока я не вернусь. А я отправлюсь на поиски этого проклятого дракона и заставлю его вернуть нам коня.

Духи почтительно выполнили приказание. Только теперь Сюань-цзан окончательно успокоился и, усевшись на скале, стал давать напутствия Сунь У-куну, наказывая ему быть осторожным и беречь себя.

— Вы можете быть совершенно спокойны, — отвечал ему Сунь У-кун.

После этого он подвязал рясу, подоткнул полы, и держа в руках посох с золотым обручем, ринулся прямо к потоку. Плывая на легких облаках над водой, он кричал:

— Эй ты проклятый угорь! Сейчас же верни нам коня!

Между тем дракон, сожрав белого коня, принадлежавшего Сюань-цзану, лежал в это время на дне и переваривал свою добычу. Вдруг он услышал, что кто-то шумит и требует вернуть коня. Этого он, конечно, стерпеть не мог и, вздымая волны, выпрыгнул наверх.

— Кто смеет шуметь здесь и ругать меня! — крикнул он.

— Ни с места! — прогремел Сунь У-кун.— Сейчас же верни моего коня! — размахнувшись посохом, Сунь У-кун опустил его на голову дракона.

А дракон, разинув пасть и выпустив когти, ринулся на Сунь У-куна. И на берегу между ними завязался отчаянный бой. Соперники дрались, как истинные герои.

У дракона, что выпустил когти из лап,

В позе оборонительной,

Седина бороды сравниться могла б

С белоснежных жемчужин нитями.

Взметнулся в небо посох царя,

Золотым украшенный ободом,

Глаза расширились, двум фонарям

Сверканием грозным подобные.

Один облака на врага выдыхал,

Усы жемчужные выставив,

Другой в небесах поднимал ураган

Движеньями посоха быстрыми.

Безвестных родителей сын-дракон,

Не знал ни рода, ни племени,

А Царь чародеями был порожден

И сослан за преступления.

Окрепли они, через много преград

Пройдя невредимыми ранее,

И каждый в бою был использовать рад

Свои сокровенные знания.

Они долго бились, то наступая, то отступая, то кружась, пока наконец дракон не почувствовал, что силы его покидают. Тогда он бежал с поля боя, бросился в воду и скрылся на дне реки.

Как Сунь У-кун ни бранил, как ни поносил его, он не отзывался. Убедившись, что ничего не может сделать, Сунь У-кун вернулся к Сюань-цзану.

— Учитель! — сказал он. — Когда я стал бранить это чудовище, оно вылезло из воды. Мы долго бились, но он струсил, бежав с поля боя, скрылся в реке и больше не показывался.

— Но как узнать, действительно ли он съел моего коня? — промолвил Сюань-цзан.

— Подумайте, что вы говорите! — воскликнул Сунь У-кун. — Разве стал бы он вступать со мной в драку, если бы не съел коня?

— Когда несколько дней назад ты убил тигра, — сказал Сюань-цзан, — ты, кажется, говорил, что обладаешь способностью умирять драконов и покорять тигров. Почему же сегодня ты не смог справиться с этим чудовищем?

Вы уже знаете, читатель, что эта обезьяна совершенно не выносила, когда кто-нибудь задевал ее. И вот, когда Сюань-цзан бросил ей такое оскорбление, она призвала всю свою волшебную силу и закричала:

— Довольно! Хватит! Я с ним схвачусь еще раз, и тогда посмотрим, чья возьмет!

И Царь обезьян большими шагами направился к берегу. Призвав на помощь свою волшебную силу, он так взбаламутил реку Инчоуцзян, что прозрачная, как стеклышко, вода стала желтой. Такой бывает Хуанхэ во время большого половодья.

Между тем дракон-изгнанник, находившийся глубоко на дне реки, встревожился и не знал, что делать.

— Вот уж не зря говорится: «Пришла беда, открывай ворота», — думал он. — Я едва избежал смертного приговора небесного суда. Но не прошло и года, как, покоровшись своей судьбе, я обосновался здесь, и на мою голову свалился этот проклятый черт. Он, несомненно, хочет погубить меня!

И чем больше дракон размышлял, тем больше расстраивался. Наконец не в силах сдерживать своей обиды, он, скрипнув зубами, выпрыгнул из воды:

— Откуда только ты взялось, окаянное чудовище! — кричал он. — И как смеешь оскорблять меня?!

— Зачем тебе знать, откуда я взялся! — крикнул в ответ Сунь У-кун. — Если хочешь остаться в живых, сейчас же отдавай коня!

— Да ведь я твоего коня проглотил. Ну что ты теперь со мной сделаешь?

— В таком случае видишь эту дубинку? Чтобы отомстить за нашего коня, мне придется убить тебя, только и всего!

И тут под горой снова разгорелся отчаянный бой. После нескольких схваток дракон, убедившись в безвыходности своего положения, при помощи волшебства превратился в водяную змею и скрылся в прибрежных зарослях.

Царь обезьян с дубиной в руках ринулся за ней. Раздвигая кусты и траву, он обшарил все вокруг, но змеи и след простыл.

Тогда Сунь У-кун призвал трех духов, обитающих в каждом человеке, и из всех семи отверстий у него повалил дым. Затем он произнес заклинание: «Ом», — и тотчас же перед ним предстали все местные духи-хранители и, склонившись, промолвили:

— Мы явились по вашему приказанию.

— Протяните ваши лапы, и я вкачу вам для первого знакомства по пяти ударов, чтобы хоть немного отвести душу, — сказал Сунь У-кун.

— Мы желаем вам всяческого благополучия, Великий Мудрец, — отвечали двое из духов, печально склонив голову, — разрешите нам, ничтожным, обратиться к вам!

— Ну, что там у вас такое?

— Нам было известно, что вы долго находились в заточении, — отвечали духи, — но мы не знали, что вы прибудете сюда, поэтому не смогли достойным образом встретить вас. Будьте снисходительны и простите нас.

— Ну что же, на первый раз прощаю, — сказал Сунь У-кун. — Да, кстати, что за волшебный дракон живет в реке Инчоу-цзян и как посмел он сожрать коня моего учителя?

— Великий праведник, ведь раньше у вас не было никакого учителя, — удивились духи. — Все знали, что вы бессмертны и не желаете подчиняться ни земным, ни небесным властям. Откуда же взялся у вас учитель и о каком коне вы говорите?

— Вы, значит, ничего не знаете,— произнес Сунь У-кун.— За все дела, которые я натворил, я в течение пятисот лет находился в заключении. Но теперь срок моего наказания кончился. По милости бодисатвы Гуаньинь Танский монах освободил меня. Но бодисатва заставила меня стать его учеником и следовать за ним в Индию за священными книгами. И вот добравшись сюда, мы лишились коня, на котором ехал учитель.

— Так вот оно что! — воскликнули духи.— В этой реке ни- когда не водились чудовища. И, несмотря на то что она глубока и широка, вода в ней настолько прозрачна, что видно дно. Вороны и сороки боятся пролетать над ней, так как принимают свое отражение за живых птиц и в страхе бросаются в воду. Вот почему река эта называется рекой Орлиной печали. Но в прошлом году, когда бодисатва Гуаньинь, направляясь в Китай искать паломника за священными книгами, проходила здесь, она спасла от казни Нефритового дракона и направила его в эти места, приказав ждать паломника за священными книгами и не совершать никаких злодеяний.

Дракон выходил на берег только сильно проголодавшись и ловил ворон, сорок, а иногда ланей или оленей. Как мог он не узнать вас, Великий Мудрец, да еще напасть на вас, совершенно непонятно.

— Он осмелился даже драться со мной, но затем покинул поле боя и как я ни бранил его, как ни оскорблял, он не показывался. Тогда я взбаламутил реку, и он вынужден был выйти из воды. Тут он еще раз попробовал схватиться со мной, но, видимо, не знал, как тяжела моя дубина. Не в силах защититься от ее ударов, он поспешно превратился в змею и скрылся в траве. Сколько я ни искал его, не мог обнаружить даже следов.

— Вы, вероятно, не знаете, Великий Мудрец,— сказал местный дух,— что эта река изобилует множеством отверстий и скважин. Поэтому она так глубока и стремительна. В одно из отверстий дракон, обернувшись змеей, скрылся. Но зачем волноваться и искать его? Лучше обратиться к бодисатве Гуаньинь, и она сразу же усмирит его.

Выслушав это, Сунь У-кун вместе с духами явился к Сюань-цзану и доложил ему обо всем происшедшем.

— Если ты отправишься за Гуаньинь, то пока вернешься я могу умереть с голоду или замерзнуть.

Но едва успел он сказать это, как откуда-то с высоты раздался голос Златоглавого стража:

— Великий Мудрец! Вам незачем ходить за бодисатвой. Я сам сделаю это.

— Будь так любезен, только побыстрее, пожалуйста,— обрадованно сказал Сунь У-кун.

Златоглавый страж взобрался на облако и тотчас же исчез в направлении Южного моря. Сунь У-кун приказал духам охранять учителя, а дежурному велел принести поесть. Сам же он

отправился на берег, чтобы продолжить поиски, однако распространяться об этом мы здесь не будем.

Между тем Златоглавый страж очень быстро достиг Южного моря и, следуя в том направлении, откуда исходило лучезарное сияние, очутился у пурпурной бамбуковой рощи. Это было местопребывание бодисатвы. Дух в золотом панцире и Мокша Хуэй-ань доложили о Златоглавом страже, и его провели к бодисатве.

— Что привело тебя сюда? — спросила бодисатва.

— Танский монах у реки Инчоуцзян, которая протекает в местности Шэпань-шань, потерял своего коня. Он очень взволнован и даже Великий Мудрец Сунь У-кун ничем не может помочь ему. Он вызвал местных духов, рассказал им, что коня сожрал дракон, отбывающий наказание в реке Инчоуцзян, а меня послал к вам доложить об этом. Он велел просить вас усмирить дракона и заставить его вернуть коня.

— Этот дракон, сын Царя драконов Западного моря Аожуна, — выслушав его, промолвила бодисатва. — За то, что он устроил пожар во дворце и сжег драгоценности, отец обвинил его в сыновней непочтительности, и Небесный суд приговорил его к смертной казни. Но я попросила небесного императора сослать его в наказание на землю и заставить служить Танскому монаху. Как же он мог сожрать его коня? Придется отправиться в Шэпань-шань.

И, сойдя с трона, бодисатва покинула священную пещеру и на луче божественного света пересекла Южное море.

«Святые сутры в три сокровищницы собраны

И в странах Запада сохранены», —

Так объяснила бодисатва добрая,

Из-за Великой появись стены.

И вот уже познала вся вселенная

Значенье этой мудрости святой,

И оболочка тягостная, брэнная

Отброшена Цикадой золотой

Реки Инчоу яростным течением

Путь к Истине героям прегражден,

Но был дракон исправлен поучением

И в скакуна мгновенно превращен.

Очень скоро бодисатва в сопровождении духа-хранителя прибыла в Шэпань-шань. Остановив божественный луч света, они посмотрели вниз и тут увидели Сунь У-куна, который ходил по берегу и ругался вовсю. Бодисатва велела позвать Сунь У-куна. Тогда Златоглавый страж спустился на облаке вниз, и, не подходя к Сюань-цзану, прошел прямо на берег.

— Бодисатва явилась,— сказал он Сунь У-куну.

Услышав это, Сунь У-кун выпрямился и, прыгнув на облако, обратился к бодисатве:

— О ты, учитель семи Будд, основатель учения о милосердии и сострадании! Как могла ты причинить мне такое зло!

— Ты! Безрассудный бродяга! Глупая краснозадая обезьяна! Ведь я только о том и думаю, чтобы паломник за священными книгами благополучно достиг цели. Я велела ему освободить тебя из заключения, а ты вместо того чтобы благодарить меня за это, начинаешь бесчинствовать.

— Хорошо ты обращаешься со мной! — отвечал Сунь У-кун. — Раз уж ты освободила меня, так разрешила бы действовать, как мне заблагорассудится, и все было бы в порядке. Я готов даже помириться с тем, что получил выговор, когда повстречался с тобой несколько дней назад над морем и ты заставила меня идти к Танскому монаху и служить ему верой и правдой. Но для чего тебе понадобилось дарить ему вышитую шапочку, от которой я терплю невыносимые мучения? Ведь обруч прирос к моей голове. К тому же ты научила его заклинанию, и как только монах начинает читать его, голова у меня трещит по всем швам. Вот какое зло ты мне причинила!

— Ах ты обезьяна! — улыбнулась бодисатва. — Ты ведь не желаешь выполнять то, что тебе велят, и не стремишься к истинному блаженству. Дай тебе только волю, ты снова взбунтуешься против неба. Кто удержит тебя? А теперь тебе хоть и пришлось перенести все эти испытания, ты сама изъявила желание встать на праведный путь нашего великого Будды!

— Ну, хорошо,— сказал Сунь У-кун. — Пусть то, что вы сказали обо мне,— справедливо. Но зачем в таком случае вы послали сюда этого дракона и позволили ему съесть коня моего учителя? Ведь подобный поступок не назовешь добрым делом!

— Этот дракон, — сказала бодисатва, — отправлен сюда в наказание Нефритовым императором по моей личной просьбе и должен сопровождать паломника за священными книгами. Подумай сам, как мог обыкновенный конь пересечь тысячи гор и рек и доставить паломника из Китая в Индию, к священной горе — обители Будды! Это под силу было лишь коню-дракону.

— Но что же теперь делать? Я так его напугал, что он куда-то спрятался и не показывается,— признался Сунь У-кун.

Тут бодисатва подозвала Златоглавого духа и сказала ему: — Ступай сейчас же на берег реки и

крикни: «Нефритовый дракон, третий сын царя драконов Ао-жуна, выходи! Сюда явилась бодисатва Гуаньинь с Южного моря». Как крикнешь, так он тут же выйдет.

И действительно не успел Златоглавый дух подойти к берегу и крикнуть дважды то, что ему велела бодисатва, как молодой дракон, вспенивая воды, выпрыгнул на поверхность реки, превратился в человека, встал на облако и, поднявшись в воздух, предстал перед бодисатвой. Воздав ей почести, он сказал:

— Вы были так милостивы, бодисатва, что спасли мне жизнь. Я нахожусь здесь уже очень долго, но до сих пор ничего не слышал о паломнике.

— Разве ты не видишь, что перед тобой великий ученик паломника?— указывая на Сунь У-куна, сказала бодисатва.

— Да это же мой заклятый враг! — воскликнул дракон, увидев Сунь У-куна.— Вчера, сильно проголодавшись, я действительно проглотил коня. А он (дракон указал на Сунь У-куна), пользуясь своей силой, вступил со мной в драку. Ну, я не вытерпел и бежал с поля боя. После этого как он ни ругал меня, я не смел больше показаться. Но он ни слова не сказал мне о том, что является учеником паломника и вместе с ним идет в Индию.

— Да ты и не поинтересовался, как меня зовут и кто я такой! — воскликнул Сунь У-кун.

— Разве я не спрашивал тебя о том, откуда ты, низкое чудовище, появился? — воскликнул дракон.— Но ты в ответ закричал: «Тебе незачем знать, откуда я явился, верни коня, вот и все!» Разве ты хоть словом обмолвился о том, что вы посланники Танского императора?

— Да эта обезьяна только и знает, что бахвалится своей силой,— сказала бодисатва.— Разве станет она обращать внимание на кого-нибудь? Ну, так вот что,— продолжала она,— в пути ты должен строго выполнять следующее правило: на вопрос о том, кто вы, ты прежде всего отвечай, что вы идете за священными книгами. Тогда тебе не придется тратить понапрасну силы, так как все будут подчиняться тебе.

Эти слова доставили Сунь У-куну большое удовольствие.

Бодисатва подошла к дракону, удалила жемчужину мудрости из-под его подбородка, затем взяла ивовую ветвь, окропила дракона свежей росой, дунула на него своим волшебным дыханием и крикнула: «Изменись!» В тот же миг дракон превратился в коня, которого недавно проглотил. После этого бодисатва дала ему следующий наказ:

— Ты должен всеми силами стараться искупить свой проступок. В награду за это ты станешь золотым.

Взнузданный дракон выразил полную готовность выполнить все наставления. Тогда бодисатва

велела Сунь У-куну отвести дракона к Сюань-цзану.

— А сейчас я удаляюсь к себе, на Южное море,— промолвила она.

Однако Сунь У-кун схватил ее за полы одежды и крикнул:

— Никуда я не пойду! Не желаю! Путь в Индию далек и опасен. Кто может поручиться, что простой смертный сможет когда-нибудь добраться туда? Да при всех тех тяготах и невзгодах, которые предстоит нам перенести, я не могу поручиться даже за свою собственную жизнь. Что же тут говорить о каких-то заслугах? Нет, я решительно отказываюсь идти!

— Помнится мне, что ты с большой охотой и искренностью готов был получить познание тогда, когда еще не было проявлено милосердия. Почему же ты отлыниваешь от этого сейчас, когда избавился от постигшего тебя бедствия? Только уединением и самоуничижением мы достигаем совершенства, только глубокая вера приносит свои плоды. Ну, а в тех случаях, когда вашей жизни будет грозить опасность, я разрешаю тебе обращаться к небу, и оно придет вам на помощь, духи земли помогут вам. Если же вы попадете в безвыходное положение, я сама приду вам на помощь. А теперь подойди ко мне, я научу тебя еще кое-чему.

С этими словами бодисатва оторвала от ивовой ветки три листочка и, положив их на затылок Сунь У-куна, крикнула: «Изменитесь!» Листочки мгновенно превратились в волшебные волоски, обладающие способностью спасать от смерти.

— Когда увидишь, что положение безвыходно, можешь тотчас же превратить эти листочки во что тебе будет угодно, они спасут от любой беды.

Выслушав эти добрые советы, Сунь У-кун поблагодарил милосердную бодисатву. А она, восседая на покачиваемых благовонным дуновением радужных облаках, отправилась домой.

После этого Сунь У-кун на облаке спустился вниз и, держа за загривок коня-дракона, подошел с ним к Сюань-цзану.

— Ну, учитель, теперь мы с конем! — промолвил он.

Увидев коня, Сюань-цзан пришел в восторг, но тут же заметил:

— Не кажется ли тебе, что наш конь стал тучнее? Где ты нашел его? — Учитель! — воскликнул Сунь У-кун, — неужели вы только что проснулись? Разве вы не слышали, как Златоглавый дух пригласил сюда бодисатву? Ведь это она превратила дракона в белого коня, точь-в-точь такого, какой был у нас. Жаль только, что этот конь без сбруи. Поэтому мне и приходится держать его за гриву.

— А где же бодисатва? — встрепнулся Сюань-цзан. — погоди, я пойду отблагодарю ее.

— Не стоит утруждать себя! Бодисатва сейчас уже на Южном море.

Тогда Сюань-цзан взял щепоть земли, возжег благовония и, обратясь лицом на юг, совершил поклоны. После этого он вместе с Сунь У-куном уложил вещи, и они собрались в путь. Между тем Сунь У-кун отпустил местных духов, дал наказ Златоглавому духу и стражам и подвел к Сюань-цзану коня.

— Как же я поеду? Ведь конь без узды и поводьев! Кроме того, надо найти лодку, чтобы переправиться через реку. А там уж мы посмотрим, что делать.

— Этот учитель не от мира сего! — воскликнул Сунь У-кун. — Где возьмешь паром в таких глухих горах? Этот конь давно живет здесь и, конечно, хорошо знает реку. Садитесь, не бойтесь, он перевезет вас лучше всякого парома.

Сюань-цзану ничего не оставалось, как согласиться с Сунь У-куном, и он взобрался на коня. Сунь У-кун подхватил тюки, и они двинулись в путь. Очутившись у берега, они заметили рыбака, который плыл вниз по течению на старом, прогнившем плоту. Сунь У-кун помахал ему рукой и крикнул:

— Эй, рыбак! Подъезжай сюда! Мы паломники из Китая и идем за священными книгами. Мой учитель не может перебраться на тот берег, перевези его!

Рыбак тотчас же поспешил к ним, а Сунь У-кун помог учителю сойти с коня. Сюань-цзан вошел на плот. Туда же ввели коня и уложили вещи. Когда все разместились, рыбак оттолкнулся от берега, и плот с быстротой ветра переправил их. Как только они сошли на берег, Сюань-цзан велел Сунь У-куну достать из узла немного денег и дать их рыбаку, но тот уже отчалил и крикнул:

— Не надо никаких денег! — С этими словами он скрылся из виду.

Сюань-цзану было очень неловко, и, сложив руки, он выразил свою благодарность.

— Да что его благодарить, учитель! — сказал Сунь У-кун. — Вы ведь не знаете, кто он такой. Это водяной дух, и если бы он не вышел нам навстречу, я непременно вздул бы его. Пусть скажет спасибо, что остался небитым. А о плате и толковать нечего.

Сюань-цзан отнесся к словам Сунь У-куна с недоверием, но промолчал, взобрался на коня, и они двинулись дальше. Глазам их открылись необъятные просторы. Казалось, они попали в Другой мир и, очистившись сердцем, вступили на священные горы. Они и не заметили, что красный диск солнца стал клониться к западу — приближались сумерки.

Тучки беспорядочные, быстрые

Бледною озарены луной,

Иней воздух наполняет искрами,
Дрожь рождает ветер ледяной.
Птичьих стай, летящих к югу с криками,
В небесах лазурных больше нет,
С озаренными закатом пиками,
Кажется, уходит вдаль хребет.
Средь ветвей шуршания постылого
Только обезьян тоскливый визг,
И дорога пыльная пустынная
Вьется по горам то вверх, то вниз.
Лишь когда ночная тьма сгущается,
Вдалеке мелькают огоньки —
То из странствий дальних возвращаются
К берегу родному моряки.

— Сунь У-кун! — позвал он. — Я вижу человеческое жилье. Мы остановимся там на ночлег, а утром тронемся дальше.

Посмотрев вперед, Сунь У-кун промолвил:

— Нет, учитель, это не жилье.

— Как же так? — удивился Сюань-цзан.

— Там на крыше я вижу изображения не то летающих рыб, не то животных. Это, пожалуй, храм или кумирня.

Так, беседуя друг с другом, они добрались до ворот строения, которое заметили издали, и над воротами увидели доску с тремя огромными иероглифами: «Храм местного бога». Они вошли в ворота и во дворе увидели старца, у которого на шее висели четки. Сложив руки и приветствуя их, старец сказал:

— Прошу, учитель, садитесь!

Сюань-цзан поспешил поклониться ему в ответ и, подойдя к алтарю, совершил поклон перед изображениями святых. Старик велел юному послушнику принести чаю. Когда они выпили по чашке, Сюань-цзан спросил:

— Почему эта кумирня называется «Храмом местного бога»?

— Это место называется государством Хами,— отвечал старец.— За храмом находится селение. Жители его отличаются благочестием и решили построить храм. Вот почему он и называется «Храмом местного бога». Каждый сезон — весной, во время пахоты, летом при прополке, осенью во время сбора урожая и зимой, когда уже сделаны запасы продовольствия, крестьяне приходят в храм и здесь совершают жертвоприношения. Поэтому счастье не покидает их, они всегда собирают обильные урожаи, стада их множатся.

Слушая это, Сюань-цзан одобрительно кивал головой и наконец сказал:

— Вот уж не зря говорится: «Отъедешь от дома на три ли, и встретишь другие обычаи». У нашего народа, к сожалению, нет такого хорошего обычая.

— А вы откуда пожаловали, учитель? — поинтересовался старец.

— Я из страны великих Танов,— отвечал Сюань-цзан.— По высочайшему повелению я направляюсь в Индию за священными книгами. День уже клонился к вечеру, когда мы увидели ваш храм, и решили обратиться в это священное место с просьбой приютить нас на ночь. С рассветом мы тронемся дальше.

Старик с радостью согласился предоставить им ночлег и все приговаривал:

— Вы уж простите меня, что не встретил вас, как полагается.

И он тут же приказал послушнику приготовить ужин. После ужина Сюань-цзан поблагодарил хозяина. Между тем от зорких глаз Сунь У-куна не скрылось, что под навесом висит веревка для сушки белья. Он схватил ее и спутал ноги коня.

— Где это вы украли коня? — смеясь спросил старик.

— Что ты болтаешь, старик,— огрызнулся Сунь У-кун.— Как можем мы воровать, если носим священный сан и идем на поклонение Будде!

— Почему же в таком случае на нем нет сбруи? — не отставал старик.— И, чтобы стреножить его, ты берешь мою веревку для сушки белья?

— Ну что за вредное создание! — промолвил Сюань-цзан, извиняясь за Сунь У-куна.— Ему бы

только зло творить. Если хочешь стреножить коня, попросил бы у почтенного хозяина веревку, зачем же хватать без спросу? Вы уж не сердитесь на него, уважаемый хозяин,— продолжал он.— Не стану обманывать вас, но конь этот действительно не краденый. У белого коня, на котором я ехал из Китая и добрался до реки Инчоу-цзян, была сбруя. Но совершенно неожиданно дракон, который отбывал наказание в этом потоке и совершенствовался там, выскочил из воды и проглотил его вместе со сбруей. И только благодаря моему ученику, который обладает чудесным даром, а также великой милости бодисатвы Гуаньинь, нам удалось поймать этого дракона. Бодисатва превратила его в белого коня, точь-в-точь такого, какой был у меня, велела ему служить мне и сопровождать к обители Будды, в Индию. Не прошло еще и дня, после того как мы переправились через реку, и вот попали к вам. Поэтому-то наш конь без сбруи, мы не успели ее достать.

— Вы не сердитесь на меня, учитель, что я позволил себе пошутить немного,— стал извиняться старик.— Я не думал, что ваш ученик примет мою шутку всерьез. Когда я был молод, у меня водились деньги, и я любил хороших рысаков. Ну, а потом с годами отяжелел и как приехал сюда уж больше не занимался этим делом. Я согласился быть служителем этого храма, совершаю богослужения, возжигаю фимиам, совершаю жертвоприношения. Мои благодетели, живущие в деревне за храмом, не забывают обо мне. Они собирают для меня подаяния. Однако до сих пор у меня сохранилась сбруя, которою я когда-то больше всего дорожил. Несмотря на всю мою бедность, я никак не мог решиться продать ее. Но после того, что вы мне рассказали, узнав, что сама бодисатва спасла этого священного дракона и, превратив его в коня, заставила служить вам, я считаю своим долгом хоть чем-нибудь вам помочь. Завтра я достану сбрую и преподнесу ее вам, почтенный отец. Надеюсь, вы не откажетесь принять от меня этот скромный дар.

Сюань-цзан был тронут до глубины души и выразил старику свою искреннюю признательность. После того как все поели и послушник прибрал со стола, зажгли фонарь, приготовили постели и отправились на покой. На следующий день, поднявшись рано утром, Сун У-кун, обращаясь к Сюань-цзану, сказал:

— Учитель! Вчера вечером хозяин обещал дать нам сбрую. Напомните ему об этом!

Не успел он это сказать, как увидел, что старик несет полный комплект сбруи. Здесь были и седло, и уздечка, и аркан, в общем все, что полагается. Подойдя к ним, старик положил все это на землю и сказал:

— Разрешите преподнести вам мой скромный дар, учитель! Сюань-цзан с благодарностью принял подарок и велел Сунь У-куну надеть все это на коня. Сунь У-кун внимательно осмотрел каждую вещь и убедился в том, что сбруя действительно отличная.

О ней даже сложены стихи:

Как серебро звезды, горят сплетенья

Узоров на поверхности седла.

И кожа драгоценного сиденья,
Как золото, блестяща и светла.
И край попоны праздничной атласной
Спускается в три слоя со спины,
И в шнур поводьев, тонкий и прекрасный,
Три длинных нити шелка вплетены.
И украшают яркие букеты
Узду из превосходного ремня,
Чтоб от простуды оградить, надеты
Накидки шерстяные на коня.
И на зонте фигуры золотые
Диковинных невиданных зверей,
И удила железные, литые,
Тяжелые,— чтоб конь бежал скорей.

Сунь У-кун остался очень доволен всеми полученными вещами и надел сбрую и седло на коня. А Сюань-цзан в знак благодарности земно поклонился старцу, который тут же бросился поднимать Сюань-цзана.

— Что вы, что вы! Стоит ли благодарить за это?

Когда церемонии были окончены, хозяин не стал задерживать гостей. Сюань-цзан вышел за ворота и, ухватившись за седло, взобрался на коня, а Сунь У-кун взвалил на спину вещи.

В этот момент старик вытащил из рукава плетку, сделанную из полосок кожи, с кнутовищем из душистого дерева, переплетенным жилами тигра и кисточками из красного шелка и, подавая ее Сюань-цзану, сказал:

— Святой отец, возьмите заодно и эту плетку.

— Я очень благодарен вам за внимание и любезность,— отвечал Сюань-цзан и только было собрался спросить о чем-то старца, как тот исчез.

Сюань-цзан оглянулся на храм, но увидел лишь ровное место.

В этот момент с высоты вдруг раздался голос:

— Святой отец! Простите, что не был достаточно учтив с вами. Я — местный дух Лоцзяшань и по поручению бодисатвы доставил вам сбрую для коня. Всеми силами стремитесь на Запад и не теряйте попусту времени.

Перепуганный Сюань-цзан от неожиданности свалился с коня и, простирая руки к небу, стал отбивать поклоны.

— Прости меня, божественный дух, за то, что своими грешными глазами я не распознал твою божественную сущность. Передай от меня глубокую благодарность бодисатве за ее великие к нам милости!

Он без конца продолжал отвешивать поклоны, устремив взор в небо. А на обочине дороги Великий Мудрец Сунь У-кун так и покатывался со смеху. Затем, подойдя к Танскому монаху и схватив его за рукав, он сказал:

— Учитель! Да вставайте же! Он уже сейчас далеко, не слышит ваших молитв и не видит ваших поклонов. Зачем же зря стараться?

— Почему, скажи, когда я совершал поклоны, ты не только не последовал моему примеру, но еще позволил себе насмеяться надо мной? Разве можно так?

— Да что вы понимаете? — рассердился Сунь У-кун. — Этого стервеца следовало бы вздуть хорошенько; лишь ради бодисатвы я не тронул его, пусть этим будет доволен. Чтобы я ему кланялся, пусть и думать об этом не смеет. Я с юных лет был истинным удалцом и никогда не снисходил до того, чтобы кланяться кому-то. Даже при встрече с Нефритовым императором и Лао-цзюнем я ограничился только одним приветствием.

— Ты недостойн звания человека! — возмущенно сказал Сюань-цзан. — И не болтай зря! Вставай скорее, нам нельзя мешкать!

И, собрав свои пожитки, путники двинулись дальше.

Целых два месяца они шли спокойно, хотя на пути им встречались люди из дикого племени лоло и мусульмане. Нередко попадались волки, тигры, барсы.

Время летело быстро, и незаметно подошла весна. Горы оделись в яркий бирюзовый наряд, буйно разрослась трава, и на деревьях появились почки, слива оголилась, а на ивах распустились нежно-зеленые листики.

И вот однажды, наслаждаясь в пути весенней природой, учитель и ученик не заметили, как наступил вечер. Сюань-цзан, сидя на коне, посмотрел вдаль и увидел очертания каких-то

строений. Видны были крыши беседок и павильонов.

— Сунь У-кун! Как, по-твоему, что это за место?

— Это или храмовые постройки, или же монастырь,— посмотрев в том направлении, куда показывал Сюань-цзан, отвечал Сунь У-кун.— Нам надо поспешить и попроситься там на ночлег.

Сюань-цзан охотно согласился с ним и подстегнул своего коня. Вскоре они прибыли на место.

Однако о том, куда они прибыли, вы узнаете, прочитав следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286404>